

Почему не реализовались новые планы по расширению Советской Украины за счет Румынии в 1945 г. *

Abstract:

Stykalin A.S. *Why the new plans to expand the Soviet Ukraine at expense of Romania in 1945 were not implemented.*

In the spring of 1945, the Communist leadership of the Soviet Ukraine, headed by Nikita Khrushchev, was planning an annexation of the Romanian County of Maramureș, contiguous with Trans-Carpathian Ukraine. Although these plans also gained support of the Command of the 4th Ukrainian Front, they were nevertheless rejected by Stalin, who refrained from violations of the territorial integrity of Romania, what might weaken the position of the Communists in that country.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Румыния, Советская Украина, Закарпатская Украина, Дунай, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев.

Ставшие доступными для исследователей в последние полтора десятилетия фонды российских дипломатических и партийных архивов обещают еще немало интересных открытий историкам стран Дунайского бассейна там, где дело касается национально-территориальных споров новейшего времени. Речь идет не только о так наз. «трансильванском» вопросе, находившемся в центре внимания Парижской мирной конференции 1946 г., или о вопросе «бессарабском». Гораздо меньше мы знаем о некоторых других, менее масштабных государственно-территориальных спорах, не успевших привлечь внимание прессы и мирового общественного мнения и разрешившихся, что называется, «в рабочем порядке», в том числе в процессе секретных двусторонних контактов.

В числе таких споров предпринятая весной 1945 г. попытка распространить власть «Народной Рады Закарпатской Украины» на румынский уезд Марамуреш с центром в приграничном городе Сигету-Мармацией (Сигет). Наличие в Марамуреше немалочисленного украинского (русинского) меньшинства внушало надежды на возможность реализации этого плана. События, связанные с этим инцидентом, нашли отражение в ряде донесений красноармейских политработников и представителей Союзной Контрольной

* Работа выполнена в рамках проекта ОИФН РАН «Национальные меньшинства Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение».

Комиссии (СКК) в Румынии, адресованных в Москву (отчасти они уже опубликованы в российских научных изданиях¹).

Соседний с МарамуРЕШЕМ край, Закарпатская Украина (или Подкарпатская Русь), как известно, по итогам Первой мировой войны отошел от Венгрии к Чехословакии, однако Венгрия вернула его себе вследствие насильственного расчленения первой Чехословацкой республики. Южные районы Закарпатской Украины перешли к Венгрии вместе с Южной Словакией в результате первого Венского арбитража в ноябре 1938 г. В марте 1939 г. вооруженные силы режима Хорти оккупировали весь край. В конце осени 1944 г., когда Красная Армия прорвалась через Карпаты, в Закарпатской Украине была сформирована местная власть, контролируемая Москвой, – так наз. «Народная Рада»². Вопрос о послевоенной судьбе этого края был формально отложен до окончания войны. Президент Чехословакии в эмиграции Эдвард Бенеш еще задолго до конца войны ожидал, что рано или поздно советская сторона, ссылаясь на право украинцев воссоединиться в одном государстве, предъявит претензии на эту область, заселенную преимущественно этнически близким украинцам населением³. Опыт присоединения к СССР Восточной Галиции в 1939 г. и Северной Буковины в 1940 г. не оставлял в этом смысле никаких иллюзий. Контактируя с эмиссарами Москвы, Бенеш не скрывал своей позиции: Чехословакия в принципе не возражает против передачи Советскому Союзу этой, хотя и слабо развитой в экономическом отношении, но стратегически важной области⁴. Она настаивает лишь на том, чтобы эта акция была осуществлена договорным путем, с соблюдением всех норм международного права и только после восстановления границ Чехословакии на сентябрь 1938 г. (так наз. «домюнхенских» границ). Известны слова Бенеша: нам не стоит удерживать за собой этот бедный край ценой русской вражды. С другой стороны, рассуждал Бенеш, если отдать Закарпатье СССР до восстановления довоенных границ, это могло бы создать нежелательный прецедент и дать повод для предъявления претензий на чехословацкие территории со стороны других соседей, прежде всего Венгрии. Достаточно только одного прецедента, и нас быстро «растаскили бы кто куда», заметил как-то президент Чехословакии⁵.

Надо при этом заметить, что в стратегических планах Москвы Чехословакии придавалось немалое значение. В неоднократно публиковавшейся записке руководителя одной из комиссий Наркомата иностранных дел СССР И.М. Майского наркому В.М. Молотову от 10 января 1944 г. отмечалось: «СССР выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии, которая ввиду политических настроений ее населения, а также в связи с недавним (декабрь 1943 г. – А.С.) подписанием советско-чехословацкого пакта о взаимопомощи на 20 лет способна быть важным проводником нашего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе»⁶. Бенеш не мог знать об этом конкретном и других документах, подготовленных в Москве для внутренне-

го пользования. Однако стремление Сталина сделать Чехословакию проводником российского влияния в Центральной Европе в противовес германскому влиянию было ему хорошо известно. Последовательный союзник британской и американской демократий и убежденный либерал, Бенеш тем не менее смотрел на присутствие (конечно, временное) Красной Армии по другую сторону Карпат принципиально иначе, чем либералы Запада, явно негативно (как, может быть, неизбежное, но большое зло) оценивавшие перспективу перехода советских войск через Карпаты в Дунайскую низменность и превращения их в фактор давления в Центральной Европе. В подходе Бенеша, напротив, возобладали в то время не опасения сталинского диктата, а стремление сделать Красную Армию гарантом неопосагаемости на чехословацкие земли со стороны ближайших соседей – Германии, Венгрии и Польши.

Примерно через два месяца после формирования в Ужгороде Народной Рады Закарпатской Украины, в начале февраля 1945 г. в соседний румынский уездный центр Сигет (укр.: Сигот) прибыли ее эмиссары для подготовки «съезда народных представителей», от которого ожидали положительного решения вопроса о присоединении уезда Марамуреш к Закарпатской Украине. Состоявшийся 4 февраля съезд специально отобранных представителей принял соответствующий манифест, что дало повод начать работу по формированию в Марамуреше новых органов власти – «народных комитетов», подчиненных ужгородской Народной Раде. Им предстояло перенять функции управления у советской военной администрации. Поездка в Сигет уполномоченных Народной Рады и проведение съезда народных представителей были одобрены, насколько можно судить по донесениям⁷, Политическим управлением 4-го Украинского фронта Красной Армии, а также Центральным Комитетом Коммунистической партии (большевиков) Украины, чьи эмиссары к этому времени находились в Ужгороде (Хотя Закарпатская Украина до 29 июня 1945 г. еще не входила в состав СССР, вопрос о ее вхождении воспринимался украинской партийной элитой как фактически предreshенный.) Более того, наряду с делегацией Народной Рады в Сигет по указанию члена Военного Совета 4-го Украинского фронта Л.З. Мехлиса (в прошлом шефа военной контрразведки СМЕРШ) прибыли офицеры-политработники из Политуправления фронта. Они присутствовали на съезде и принимали участие в редактировании его резолюции. После того, как съезд провозгласил присоединение уезда Марамуреш к Закарпатской Украине и вслед за этим начали формироваться новые органы власти, руководство уездной и городской администрацией должно было осуществляться уже из Ужгорода; местной организации компартии также предстояло формально перейти в подчинение парторганизации Закарпатья, которая к этому времени уже фактически порывает связи с Коммунистической партией Чехословакией (КПЧ) и начинает интегрироваться в КП(б) Украины. Обо всем, что происходило в начале февраля в Сигете, Мехлис, как следует из тех же

документов, докладывал в Москву, в Главполитуправление Красной Армии, а также в Киев первому секретарю ЦК КП(б) Украины Н.С. Хрущеву, который всецело поддержал инициативу по присоединению уезда Марамуреш к Закарпатской Украине.

Между тем, эта инициатива была более чем проблематична уже в силу этнического состава территории. Ведь, в самом деле, даже согласно может быть и не совсем точным данным, которыми располагали красноармейские политработники, среди населения как в городе, так и в уезде, численно преобладали румыны. Среди горожан они составляли как минимум 55%, среди жителей уезда – 74%. Украинцы составляли 18% жителей уезда и 10% жителей города. 32% горожан приходилось на венгров, которых в селах почти не было. Численность еврейского населения в г.Сигете (на родине лауреата Нобелевской премии мира Э. Визеля и живописца Ш. Холлоши, который, работая в Мюнхене, стал учителем М. Добужинского, В. Фаворского и других известных русских художников) резко снизилась вследствие Холокоста. Евреи в большинстве своем были в то время в Сигете венгероязычны⁸.

Явно преобладавшее румынское население, недовольное отторжением уезда от Румынии, с готовностью восприняло призывы к саботажу принятых решений и даже (в определенной своей части) поддержало попытку вооруженного мятежа. Начало волнениям положили распространявшиеся 27 февраля по городу слухи о том, что новые власти уезда (отныне округа) собираются повсеместно закрыть румынские гимназии и школы, а вместо них открыть украинские. Для того чтобы заявить протест, в здание местной администрации явилась депутация учителей, которую, однако, заверили в отсутствии таких намерений. Между тем, на противников новой власти ободряюще действовала поступающая из Бухареста скудная и не всегда достоверная информация о резком обострении с середины февраля внутривнутриполитической борьбы между силами, поддерживавшими премьер-министра генерала Н.Рэдеску, и коммунистами, предпринявшими массированное наступление в целях свержения неугодного им правительства. В донесении политотдела железнодорожных войск (а одна из железнодорожных бригад Красной Армии как раз была дислоцирована в г. Сигете) были зафиксированы разговоры в городских очередях: «Рэдеску начал действовать, скоро наша очередь»⁹. В дни, когда прибывший в Бухарест зам. наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский шантажировал молодого короля Михая, требуя отставки действующего правительства, в Марамуреше ходили слухи о том, что начавшееся в столице «восстание» коммунистов якобы подавлено.

Вечером 4 марта, согласно тем же красноармейским донесениям, была предпринята попытка поднять вооруженное восстание в одном из сел уезда в расчете на поддержку румынских политических сил Северной Трансильвании. Советской военной комендатурой были получены сообщения о запланированном на утро следующего дня более крупномасштабном высту-

плении в уездном центре. Во главе движения стояли бывший префект уезда, примары румынских сел («начальники сельских управ»), высокопоставленные сотрудники полиции (уволенные с осени 1944 г., с приходом Красной Армии). Участвовали в нем и представители румынской православной церкви.

Организаторы приурочили начало восстания к открытию традиционной местной ярмарки: утром 5 марта в Сигет из многих окрестных сел (как украинских, так и румынских) должны были съехаться сотни конных подвод. Накануне примары румынских сел саботировали отправку мужского населения на восстановление железных дорог; в городе и окрестностях появилось много отпусковиков и дезертиров румынской армии, в том числе и офицеров, не зарегистрировавшихся, как полагалось, у советского коменданта. В районе Окна-Шуготаг были задержаны диверсанты, пытавшиеся, как указывалось в донесениях, затопить водой соляные шахты, снабжавшие солью два фронта Красной Армии – 2-й и 4-й Украинские. Организаторы восстания связались с представителями Великобритании в СКК и, по некоторым данным, с миссией международного Красного Креста. 3 марта два советских офицера в ресторане в центре Сигета зафиксировали встречу бывшего префекта и двух других оставшихся уездных чиновников с майором британской армии, прибывшим из Бухареста.

Ожидая серьезные волнения в уездном центре, советская военная комендатура запретила утром 5 марта въезд в город. Движение на подступах к Сигету было перекрыто красноармейскими патрулями. Многочисленные подводы, шедшие к городу, останавливали. Было изъято большое количество оружия. По установленным в процессе последующего расследования данным, для участия в массовом выступлении из окрестных сел должны были подойти, но главным образом подъехать на подводах до 10 000 человек. Всего в «демонстрации протеста» предполагалось задействовать свыше 15 000 человек. Расчет делался на перерастание поначалу мирной демонстрации в восстание с захватом административных зданий и последующей апелляцией к Союзной Контрольной Комиссии в связи с посягательством одного из соседей¹⁰ на территориальную целостность Румынии. Арестованные 5 марта и в последующие дни организаторы восстания (более 50 человек) категорически отрицали в ходе допросов, что выступление было направлено против Красной Армии, хотя и происходило в ее тылу. Некоторые из них, правда, признали, что оно способно было вызвать определенные осложнения в международных отношениях.

Тем временем внутривосточный кризис в Румынии завершился 6 марта формированием нового правительства Петру Грозы, представлявшего левые силы во главе с коммунистами. И только после этого Советский Союз дал долгожданное для румын согласие на передачу Северной Трансильвании румынской гражданской администрации. Ранее, осенью 1944 г., правительство Румынии параллельно с освобождением края от немецких и вен-

герских войск приступило, ссылаясь на некоторые положения соглашения о перемирии от 12 сентября, к восстановлению в Северной Трансильвании довоенных румынских административных структур, однако предпринятые им в этом направлении шаги натолкнулись на противодействие советской стороны. Ссылаясь на обострение румыно-венгерских межэтнических противоречий, нарушавших спокойствие в тылу Красной Армии, командование в ноябре 1944 г. издало приказ об упразднении всех уже сформированных румынских структур и повсеместной передаче управления в уездах Северной Трансильвании (в том числе в Марамуреше) в ведение советской военной администрации. Вопрос о разрешении Румынии на формирование в Северной Трансильвании своих собственных органов власти в течение нескольких месяцев, вплоть до марта 1945 г., оставался эффективным инструментом внешнеполитического давления на румынское правительство и всю политическую элиту. В конце концов официальная Москва добилась своего: в Румынии было сформировано приемлемое для сталинского руководства СССР левое правительство¹¹.

В конце марта 1945 г. в целях установления контактов с местными политическими силами и для содействия восстановлению в уезде Марамуреш румынской администрации в Сигет прибыл из Клузы Николае Гольдбергер, уполномоченный Национально-демократического фронта, объединявшего левые партии (он был одновременно секретарем объединенной северо-трансильванской организации румынской компартии). Гольдбергер, ссылаясь на изменение линии Москвы в отношении румынской администрации, попытался договориться с представителями органов, подконтрольных Народной Раде Закарпатской Украины, о порядке введения в уезде (как и во всей Северной Трансильвании) румынских административных структур, однако его попытки оказались тщетны – местные украинские органы (народные комитеты), как и следовало ожидать, категорически отказывались поступиться властью без указания Народной Рады. Не договорившись на месте, Гольдбергер направился в Ужгород, но его миссия и там не увенчалась успехом. Глава Народной Рады Закарпатской Украины Иван Турияница отказался вести переговоры о восстановлении румынской администрации в Марамуреше, рассматривая этот уезд как неотъемлемую составную часть Закарпатской Украины. О посещении Гольдбергером Ужгорода и его переговорах с Турияницей было хорошо осведомлено командование 4-го Украинского фронта (генерала армии И.Е. Петрова в это время сменил генерал армии А.И. Еременко), знали об этом и в Киеве, в ЦК КП(б) Украины.

Вернувшись в Сигет, Гольдбергер, не решившийся брать на себя ответственность за действия по введению румынской администрации в Марамуреше, обратился к одному из лидеров компартии и члену правительства Василе Луке с просьбой прибыть в отдаленный уезд. В. Лука, приехав в Сигет, также принял от имени правительства П.Грозы попытку догово-

риться с представителями Народной Рады о плавной реорганизации формирующихся украинских органов власти в администрацию, подчиненную Бухаресту. Не дожидаясь ответа из Ужгорода, он образовал уездный Совет Национально-Демократического Фронта (НДФ), который составили представители разных общественно-политических организаций левого толка, в том числе украинских. 9 апреля Совет НДФ официально провозгласил установление румынской администрации на основе реорганизации создававшихся органов местной исполнительной власти. Персональный состав административных органов был подобран Советом НДФ при активном участии уездной организации компартии, к этому времени контролируемой Гольдбергером. Введение румынской администрации прошло без каких-либо эксцессов. Однако большая часть украинских функционеров окружного комитета закарпатской Народной Рады, несмотря на предложение В. Луки принять участие в работе реорганизованных органов власти, уехала в Ужгород.

Представители СКК, ознакомившись с составом образованной румынской администрации, пришли к заключению, что она создана «на здоровой демократической основе» и «в общем отвечает соответствующим требованиям»¹². В то же время, по их мнению, в обновленных органах власти города и уезда украинцы были представлены недостаточно. Предложение представителей СКК ввести дополнительно во властные структуры заместителя префекта уезда и заместителя примара города из числа украинцев не встретило возражений со стороны местного Совета НДФ. Что же касается сел с чисто украинским населением (а в уезде Марамуреш было 10 крупных украинских сел), то в них по-прежнему действовали народные комитеты, избранные в соответствии с директивами Народной Рады Закарпатской Украины. Их состав решено было не менять. У нас отсутствуют документы, подтверждающие, что В. Лука действовал в соответствии с какой-либо межгосударственной договоренностью (пусть неформальной), однако, можно быть уверенным, что решающий сигнал был дан не из Ужгорода, Киева или Бухареста, но из Москвы. Очевидно, что инициатива по присоединению к Закарпатской Украине румынского города и уезда, будучи поддержана в Киеве украинским партийным руководством, вместе с тем не нашла понимания в Москве – в Наркомате иностранных дел и, выше, в Кремле.

Н.С. Хрущев упомянул о марамурешском эпизоде в своих многократно публиковавшихся и широко известных воспоминаниях. Согласно его версии, Туряница послал в близлежащий румынский уезд своих людей на собственный страх и риск. «Если в шутку, Туряница начал вести захватнические действия» против Румынии, заметил Хрущев. При этом закарпатский лидер был движим прежде всего (как и многие другие в то время) заботой о воссоединении украинского народа в составе Советской Украины. «Вообще тогда у всех украинцев возникла сильная тяга к воссоединению», – вспоминал в конце жизни Хрущев. Так, к нему в Киев приехала летом 1945 г. депу-

тация украинцев из Восточной Словакии. Они просили, наряду с Закарпатской Украиной, присоединить к Советской Украине отдельные районы Прешовского края. Сталин, однако, не хотел заходить так далеко, ибо это неизбежно вызвало бы конфликт с западными союзниками на Потсдамской конференции. А потому Хрущев был вынужден огорчить своих собеседников отказом, призвав их строить социализм в одном государстве с чехами и словаками. К Турянице и к Хрущеву (во время его поездки в Закарпатье) приходили также крестьяне из сигетских украинских сел и хлопотали о своем присоединении к Закарпатской Украине. Но ничего конкретного, продолжал Хрущев, нами не предпринималось. Из его воспоминаний узнаем, что вопрос был решен только после телефонного звонка Сталина в Киев. Хрущеву пришлось объяснять «хозяину», что Туряница не находится у него в подчинении, а всего лишь его «сосед», самостоятельно принимающий решения, хотя и прислушивающийся к мнению украинского руководства. Сталин в ответ распорядился: «говорят, вы имеете на него влияние, пусть отзовет свои отряды с территории Румынии»¹³.

В апреле 1945 г. Закарпатская Украина действительно пока еще не входила в состав УССР, но ее будущая судьба, как уже отмечалось, была предreshена. Хрущев посетил весной 1945 г. Ужгород и Мукачево для ознакомления с обстановкой в крае, который должен был в самом скором времени (после правового урегулирования вопроса с чехословацким правительством) войти в состав УССР. Возлагая в данном случае всю ответственность на Туряницу (которого, кстати, он высоко ценил как партийного работника, о чем пишет в мемуарах), Хрущев, очевидно, лукавил. Есть все основания предполагать, что руководство Советской Украины, испытывавшее огромные внутривластные трудности в западных областях, отошедших в 1939–1940 гг. от Польши и Румынии, было не прочь использовать новое территориальное приращение в пропагандистских целях. Программа «сбирания» украинских земель не обязательно должна была полностью реализоваться с присоединением Закарпатья. С точки зрения Киева не был закрыт вопрос об «округлении» границы в пользу Украины на некоторых других ее участках. В Кремле, в окружении Сталина, в свою очередь заботились об укреплении всей советской сферы влияния и могли ради этого пожертвовать амбициями коммунистов большой союзной республики. В Москве резонно опасались, что слабо мотивированная этническими аргументами территориальная уступка в пользу СССР (даже весьма незначительная) вызовет крайне негативный отклик в самых широких слоях румынского общества и породит серьезные внутривластные осложнения для прокоммунистического правительства П.Грозы, пришедшего к власти с советской помощью и отвечавшего в тех условиях планам сталинского руководства.

Правда, весной 1945 г. вопрос еще не был окончательно снят с повестки дня, он всплыл через считанные недели после присоединения Закарпат-

ской Украины к СССР 29 июня 1945 г. На сентябрь 1945 г. была намечена первая сессия Совета министров иностранных дел (СМИД) Великобритании, США, СССР, Франции и Китая, которому, в соответствии с решением Потсдамской конференции, было поручено заняться разработкой мирных договоров с бывшими европейскими союзниками Германии. Подготовкой советских предложений для вынесения на сессию занималась Комиссия Наркоминдела СССР по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М.М. Литвиновым (в то время замом наркома). Как известно из скрупулезных архивных исследований известного историка Л.Я. Гибианского¹⁴, комиссия рассматривала вопрос о целесообразности некоторой корректировки границы в районе г. Сигет, с обязательным выходом к железной дороге. Пересмотр мотивировался тем, что построенная еще при Габсбургах железная дорога (между маленькими закарпатскими городами Тячевым и Раховым) разрывалась как раз при подъезде к г. Сигет границей с Румынией, что исключало возможность ее использования Советским Союзом для внутренних перевозок.

До войны аналогичная проблема также стояла, ведь железная дорога разрывалась тогдашней чехословацко-румынской границей, но вопрос о перевозках был легко решен договоренностью двух дружественных правительств стран-союзниц по Малой Антанте. Труднее было дело с СССР: прорыв «железного занавеса» пусть даже на участке в несколько десятков километров казался в Москве немыслимым даже такому последовательному стороннику сотрудничества с Западом, как Литвинов. Отдать кусок железной дороги соседней стране по существу означало отказаться от ее эксплуатации на всем протяжении, а провести соответствующий отрезок пути чуть севернее, по другому берегу Тисы (т.е. по советской территории) было невозможно из-за высоких скалистых гор – это не было сделано и в последующие десятилетия.

Претензии к Румынии не ограничивались участком железной дороги в Закарпатье. В комиссию поступила записка с пожеланиями Генштаба о корректировке границы в дельте Дуная. Речь шла о том, чтобы два наиболее судоходных русла Дуная (не только Килийское, но, если удастся, то и расположенное южнее Сулинское) с множеством мелких островов в дельте Дуная, а также более крупный остров Змеиный в Черном море около устья Дуная оказались под контролем СССР. При этом были заявлены претензии на некоторые земли, которые России никогда не принадлежали. Вопрос этот находился в поле зрения Наркоминдела еще летом 1940 г. при возвращении Бессарабии и присоединении к СССР Северной Буковины. Тогда, однако, Москва ограничилась занятием нескольких маленьких островов в Килийском русле. Что касается румынской стороны, то она, приняв ультиматум относительно Бессарабии и Северной Буковины, не только в 1940 г. (при занятии этих островов), но и позже, при обсуждении с новым, антигитлеров-

ским правительством Румынии условий соглашения о перемирии в сентябре 1944 г., всячески уклонялась от того, чтобы в письменном-договорной форме выразить согласие с каким-либо пересмотром границ в дельте Дуная.

Ставить перед западными союзниками вопрос о пересмотре границ в дельте международной водной магистрали – Дуная Сталин не считал целесообразным, предвидя жесткий отказ. Он надеялся, что ему удастся решить этот вопрос непосредственно с лидером прокоммунистического правительства П.Грозой, приведенного к власти, как уже отмечалось, в обмен на согласие Москвы восстановить румынскую администрацию в Северной Трансильвании, находившейся под властью Венгрии с 30 августа 1940 г., после второго венского арбитража¹⁵.

В сентябре 1945 г., в ходе обсуждений у Сталина предложений по мирному договору с Румынией, взвешивалось, возможен ли торг с Бухарестом. Если допустить некоторое упрощение, вопрос ставился примерно так: можно ли отказ от претензий СССР на участок железной дороги в районе Сигета компенсировать требованием о существенной корректировке границ в дельте Дуная. Это предложение, однако, осталось только в проектах, как и другое – внести в условия мирного договора с Румынией положение о том, что порт Констанца арендуется на 50 лет Советским Союзом у Румынии для строительства военно-морской базы (таково было другое предложение Генштаба, поступившее в комиссию Литвинова). От аренды Констанца отказались из опасений, что западные союзники взамен предложат включить в текст мирного договора с Италией пункт об аренде итальянских портов (это не было в интересах СССР). Что же касается вопроса о Сигете, то очевидно, что в отказе от притязаний на участок железной дороги и часть земель уезда Марамуреш сыграли решающую роль вышеназванные соображения: не создавать ненужных внутривосточных трудностей прокремлевскому румынскому правительству. По данным Л.Я. Гибианского, П. Гроза в ходе двухчасовой беседы со Сталиным в сентябре 1945 г. убедил его отказаться от этих планов. Румыния согласилась лишь передать СССР остров Змеиный, да еще пять мелких островов в Килийском русле (как мотивировал премьер-министр уступку Румынии, «дружба с СССР для нас важнее этих островов»)¹⁶.

Если же вернуться к событиям весны 1945 г., то при попытке присоединения Сигета к Украине налицо было несовпадение интересов центральной (московской) и местной (украинской) партийно-советской элиты, в результате чего события в приграничном румынском уезде были по-разному расценены в Москве и Киеве. Слишком самоуверенных украинских коммунистов пришлось одернуть из Кремля. Эта версия всецело подтверждается одним из документов – донесением уполномоченных советской части СКК в Румынии от 16 апреля 1945 г., где речь идет как раз об одобрении Хрущевым инициативы по присоединению Марамуреша к Закарпатья¹⁷.

Сама же инициатива действительно исходила, вероятнее всего, от Туряницы. В этой связи заслуживает внимания высказанное как-то в начале 1945 г. Э. Бенешем мнение о том, что украинский национализм, и в частности, в Закарпатье «отбил от рук» Москвы и иногда «перехлестывает через край»; этой мощной националистической волной решили, согласно Бенешу, воспользоваться и украинские коммунисты, которые, преследуя свои цели, хотят поставить и Москву, и Прагу перед свершившимся фактом скорейшего (не дожидаясь окончания войны) присоединения Закарпатья к СССР¹⁸. Слова опытного политика едва ли следует воспринимать как проявление политической наивности или, напротив, как выражение лукавства, не отражающее его действительной точки зрения. Как известно из исследований (в частности, из вышеупомянутой работы В.В. Марьиной), проводившиеся в Закарпатье местной коммунистической властью меры по реализации избранной Кремлем линии на присоединение этого края к Советской Украине на самом деле часто опережали темпы, продиктованные центром, и, более того, выходили за установленные Москвой рамки. События в Марамуреше в этом отношении как раз показательнее всего, хотя и не являются единственными в своем роде. Аналогичные случаи касались ряда сел Восточной Словакии¹⁹. Сталин в телефонном разговоре с Хрущевым, о котором тот вспоминает в своих мемуарах, упомянул также о занятии закарпатскими вооруженными отрядами районов на левобережье Тисы, которые должны были отойти к Венгрии²⁰.

У румынского коммунистического режима, прочно утвердившегося у власти к концу 1947 г., были свои виды на Марамуреш и г. Сигету-Мармацией. В конце 1940-х годов небольшой городок в живописном междугорье Карпат, в километре от нынешней румынско-украинской границы (кстати, одно из любимых мест творчества венгерских художников эпохи австро-венгерского дуализма), станет местом заключения наиболее опасных оппонентов компартии. В начале 1953 г. здесь умрет в старой габсбургской тюрьме Юлиу Маниу, в том же году погибнет Г.Братиану. Режим Г.Георгиу-Дежа, осознававший свою неукоренённость в обществе, враждебность огромных масс населения и никогда не отключавший машину превентивного террора, считал целесообразным держать этих и им подобных арестантов именно в Сигете – ведь в случае каких-либо серьезных беспорядков в Румынии они могли быть в течение часа переправлены на советскую территорию.

А в 1990-е годы г. Сигету-Мармацией становится местом проведения представительных международных конференций по истории тоталитаризма в Центральной Европе²¹.

Примечания

¹ См.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / Отв. редактор Т.М. Исламов. М., 2000. С. 302–309.

² См.: Марьина В.В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003.

³ Дело в сущности не менялось от того, что не все они причисляли себя к украинцам, часть называла себя русинами, воспринимая русин (ruthenians) как самостоятельный славянский этнос, ориентирующийся на союз либо с русскими, либо с венграми, либо с чехами и словаками. Вопрос этот находится за скобками нашего исследования. Следует только заметить, что различия в национальной самоидентификации населения этого края находили самое непосредственное выражение в культурной жизни и были важным фактором формирования партийно-политических программ – в межвоенном Закарпатье были пророссийские, прочехословацкие, провенгерские партии; часть украинофильских сил в конце 1930-х годов искала пути решения украинского вопроса вне СССР (т.е. создания самостоятельной украинской державы) при поддержке нацистской Германии. В свою очередь и пражская политическая элита, поначалу расматривавшая население края как русин, лишь по мере сближения с середины 1930-х годов с СССР стала выражать больше готовности признать их за украинцев. Соответственно вместо более привычного для чехов и словаков названия края (Подкарпатская Русь) стало чаще использоваться другое – Закарпатская Украина.

⁴ В межвоенный период Закарпатская Украина обеспечивала общую границу Чехословакии с союзническими (по Малой Антанте) Румынией. Во время войны, в условиях формирования с лета 1941 г. антинацистской коалиции с участием СССР, чехословацкая политическая элита, находившаяся в Лондоне, считала существенным установление послевоенных границ с Советским Союзом как наиболее мощной в регионе державой, не заинтересованной в усилении германского влияния.

⁵ Подробнее см.: Марьина В.В. Указ. соч.

⁶ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. С. 222.

⁷ Там же. С. 302–309.

⁸ Данные приводятся в донесении функционеров Союзной Контрольной Комиссии (СКК) по Румынии в Наркомат иностранных дел СССР от 16 апреля 1945 г. См.: Там же. С. 309.

⁹ Там же. С. 302–307.

¹⁰ Т.е. Закарпатской Украины. С точки зрения международного права речь могла идти в марте 1945 г., конечно, не о субъекте международных отношений, а по сути дела о сепаратистской силе, нацеленной на присоединение (исходя из веских этнических и политических оснований) этого края к другой державе. Освобожденная от немецких и венгерских оккупантов Закарпатская Украина де-юре оставалась, хотя и неподконтрольной чехословацкому правительству, но все же частью Чехословакии; вопрос о ее присоединении к Советской Украине был формально решен через несколько месяцев.

¹¹ Из литературы по теме см.: Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008.

¹² Трансильванский вопрос. С. 308.

¹³ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Книга 1. М., 1999. С. 573.

¹⁴ См.: Гибианский Л.Я. СССР и некоторые проблемы мирного урегулирования с Румынией на завершающем этапе Второй мировой войны // Материалы Двусторонней комиссии историков России и Румынии (X Научная конференция. Москва, октябрь 2005 г.). М., 2007. С. 17–54.

¹⁵ См.: Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 176–185.

¹⁶ См.: Гибианский Л.Я. Указ. соч. С. 17–54

¹⁷ Трансильванский вопрос. С. 307.

¹⁸ Подробнее см.: Указ. соч. С. 105.

¹⁹ См.: Zselicky В. Kárpátálja a cseh és szovjet politika érdektérében. 1920–1945. Budapest, 1998.

²⁰ Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 573.

²¹ См. серию сборников: Analele Sighet. 1–10. București, 1994–2003.